

УДК: 327

DOI: 10.25629/НС.2022.07.22

АНАЛИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ РИСКОВ ДЛЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Осянин В.С.

Казанский федеральный университет

Аннотация. Работа посвящена анализу некоторых внутренних и внешних факторов, прямо и косвенно влияющих на безопасность и стабильность стран региона Центральной Азии. Регион Центральной Азии – чрезвычайно сложный в географическом, экологическом, экономическом и политическом смыслах, представляющий собой уникальное сплетение народов и культур. В условиях современного мира в его особенностях можно найти богатый потенциал для развития, но, к сожалению, чаще приходится говорить о том, какие риски несут они для региона. Важно понимать, что многие из тех проблем региона, которые приобрели сейчас острый характер, возникли несколько десятилетий назад и обусловлены недостаточностью усилий, либо слабой заинтересованностью властей в их решении. К таковым относятся, например, экология, проблема водоснабжения и одномерная экономическая специализация. Ряд рисков возникли уже в постсоветский период. К ним относятся перенаселение отдельных районов, ложная урбанизация и недеверсифицированность экономики. Вдобавок многие риски имеют трансграничную природу и путь к их преодолению лежит через скоординированную деятельность нескольких стран, что усложняет их разрешение. Результаты исследования показывают, что обстановка в странах Центральной Азии, несмотря на ряд очевидных позитивных сдвигов, имеет выраженный потенциал к росту рисков для политической власти и стабильности региона в целом.

Ключевые слова: Центральная Азия, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, экономика, ресурсы, нехватка воды, безопасность.

Введение

Анализ мирового политического процесса на протяжении лет указывает на то, что тенденции, определяющие характер глобальных политических отношений и облик мировой политической карты, начинают носить терминальный характер. Прежде всего, это связано с тем, что США уже не в состоянии далее поддерживать статус силы, доминирующей во всех международных процессах. Факты этого продолжают находить своё подтверждение, отражаясь на политической картине в различных регионах мира. Одним из регионов мира, где изменения на глобальном уровне отзываются на политическом уровне местном очень быстро, является Центральная Азия. Исторические примеры показывают, что в большинстве случаев изменения, пусть не всегда прямо затрагивающие этот регион, приводили к серьезным изменениям не только границ государств, но и соотношения сил в регионе. К сожалению, по-видимому, мы вновь приблизились к границе периода истории, несущего новые тяжелые времена и грозные перемены. Характер политических тенденций указывает, что страны региона могут столкнуться не только с угрозой своим границам, но и самого факта своего существования. Речь, конечно, идет, об усилении фактора радикального политического ислама и сил, представляющих его «боевое крыло» – в первую очередь, террористической группировки ИГИЛ³. Такой вариант развития событий отнюдь не является ни домыслом, ни «фантастическим» сценарием, так как он определяется наличием сил, готовых создать в Центральной Азии мощный узел не-

³ Организация запрещена в РФ

стабильности. При этом, нельзя упускать из виду влияние деструктивных внутренних региональных факторов, таких как бедность населения, недостаточный уровень развития человеческого капитала, проблемы в экономике, растущую урбанизацию населения при сохранении высоких показателей демографии, со своим набором социальных рисков, а также коррупцию, приграничные конфликты, перенаселенность отдельных районов и ограниченную доступность водных ресурсов. Опираясь на объективные факты из открытых источников, приведем доводы в пользу точки зрения автора.

Методы

Для региона характерна множественность проблемных факторов, лежащих в различных плоскостях общественно-научного знания. Поэтому, в качестве методологической основы исследования использованы ряд общенаучных и специальных методов, таких как метод политического, социологического и экономического анализа. Также использованы количественные методы исследования, в первую очередь, статистический метод, позволивший обработать большой массив данных по экономике и демографии. Метод сравнительного анализа задействован для выявления общих и различных особенностей в развитии стран Центральной Азии.

Исторический фактор

Прежде всего, следует понять, что представляет из себя Центральная Азия в географическом смысле? По этому вопросу существует множество мнений. По-видимому, единственным общим местом в них является то, что регион Центральной Азии занимает срединное место в географии Евразии. Основные сложности заключаются в определении границ региона, а точнее, принципа определения этих границ. Среди этих принципов можно выделить климатический, этноязыковой и экономический. Например, из климатического принципа определения границ Центральной Азии исходил советский геолог В.М. Сеницын. «Климатически Центральная Азия – аридная область с крайне континентальным климатом, лежащая между областями атлантической и тихоокеанской циркуляции и изолированная как от той, так и от другой», - пишет исследователь [1, с.6]. Иными словами, границы региона обусловлены едиными климатическими условиями на всей его площади с некоторыми отклонениями от среднего значения (горный, степной и пустынный климат). Этноязыковой принцип отражает распространение в границах региона коренных народов и этносов и местных языков, таких как народы индоиранской, тюркской и монголоидной групп. Данный принцип отстаивался в советское время, в частности, Научно-исследовательской ассоциацией по изучению национальных и колониальных проблем [2, с.342]. Экономический принцип выводит на первый план хозяйственно-экономическую ориентацию региона. Такой принцип также был популярным в Советском Союзе. Именно он использовался в качестве основного для определения границ советской Средней Азии и благодаря ему появилось такое определение как «Средняя Азия и Казахстан». Нетрудно представить себе мотив советских руководителей, отталкивающихся от этого подхода – укрупнение и универсализация структур облегчали хозяйственное освоение данного огромного по площади и населению района СССР. Это определение закрепилось в отечественной официальной печати и научной литературе в 50-60-е гг. и просуществовало вплоть до 1992 г., когда президент Казахстана Н. Назарбаев на саммите государств Средней Азии призвал отказать от него в пользу более короткого определения «Центральная Азия», которое включает в себя все среднеазиатские республики бывшего СССР.

Демография

Статистические данные по демографии по таким странам, как Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Казахстан и Туркменистан (то есть той части региона, что ранее входила в состав СССР) демонстрируют следующую картину. Так, Узбекистан занимает первое место среди этих стран по численности населения. На 2021 г., согласно данным открытых источников, население страны составляло приблизительно 33 млн. 905 тыс. человек. В 2019 году Узбекистан прирастил 815 тыс. новых граждан. При этом, прирост населения Узбекистана составил около 7 миллионов человек за 10 лет, что больше, чем всё население Киргизии или Туркменистана. Последние два показателя – лучшие для региона, по ним страна оставляет далеко позади

остальные государства ЦА. Однако, если рассматривать показатель темпов роста населения, то Узбекистан за те же 10 лет уступил свое лидерство Таджикистану и Киргизии. По данным на 2019 год, количество жителей этих стран увеличивается ежегодно в среднем на 2,4% и 2,1% соответственно. В цифровых показателях это 197,9 тыс. и 140,2 тыс. человек соответственно. Всего население Таджикистана на 1 января 2021 года составляло 9 млн. 504 тыс. человек, Киргизии – 6 млн. 637 тыс. человек. Такие поступающие показатели прироста населения характерны для этих двух стран на протяжении последних 10 лет, с небольшими просадками в Киргизии 2016-2017 гг. и в Таджикистане в 2019 г. В целом, Таджикистан демонстрировал более ровную тенденцию прироста населения, чем его соседи. Также нетрудно предположить, лидерство по числовым показателям рождаемости в Узбекистане связано с его численностью населения. Казахстан же не только самая большая страна региона, но и самая медленнорастущая. В 2019 году темп прироста его населения составили всего 1,4% [3]. По данным Комитета по статистике РК, на начало этого года в стране насчитывалось 19 млн. 177 тыс. казахстанцев [4]. Однако, показатель численности и прироста населения нельзя рассматривать в отрыве от экономических показателей и плотности населения. А они, к сожалению, демонстрируют различные социальные риски. В контексте истории этого региона, часто такие риски реализуются в виде военных конфликтов.

Экономика и хозяйственная специализация

Как уже было отмечено, географо-климатические условия Центральной Азии препятствуют равномерному развитию экономики региона. Обширные пустынные и полупустынные области, а также степные и гористые районы не оставили людям выбора, кроме создания поселений в тех местах, где климат и ландшафт этому благоприятствуют - в долинах рек и крупных оазисах. Основным вопросом жизни и экономики здесь, как и в других местах, стала доступность водных ресурсов. Он и определил облик региона с точки зрения плотности и распределения населения. Сопутствующим фактором являлось и то, что через эти местности проходили основные караванные пути. Так сложились основные цивилизационные центры Средней Азии. На их основе позднее возникли государства. Спустя века крупные города, став местами концентрации энергетических, экономических и информационных потоков, превратились в столицы государств - путь типичный для многих стран. С 1991 года пять бывших советских республик обрели независимость. Однако, независимое положение новых государств очень тяжело отразилось на их экономике. В результате распада Советского Союза распалась и его общая экономика. Многие производственные цепочки оказались разорванными. И поскольку, экономическое освоение пространства Средней Азии было оправданным лишь при его интеграции в единый экономический комплекс СССР, то при разрушении этого комплекса страны Центральной Азии накрыло волной деиндустриализации. Характерен пример Казахстана, где на январь 2002 г. по разным причинам простаивало 40% промышленных предприятий. В цифровом значении кризис промышленности выразился в падении с 27,5% до 19,4% доли промышленности в ВВП Киргизии в период с 1991 по 2010 гг. В Таджикистане в 2000–2010 гг. этот показатель сократился с 39% до 22%, а в Узбекистане – с 26,3% до 14,2% в 1991–2000 гг., однако с 2000 по 2010 гг. меры по реиндустриализации привели к росту промышленности до 24% в структуре национального дохода [5, с.27-29]. В новых условиях наиболее прибыльной отраслью экономик стран стала добывающая промышленность. Так, по данным на 2020 г., в Казахстане на неё приходится 34,5% от номинального показателя ВВП (\$59,8 млрд. в денежном выражении), в стремительно увеличивающемся численность населения Узбекистане – 33,5% (\$20,2 млрд), в Таджикистане доля всей промышленности в ВВП равна 41,6% (\$3 млрд), в Туркмении 34% (\$12,8 млрд), а в Киргизии доля обрабатывающей промышленности составляет 20% ВВП (\$1,6 млрд). Явление индустриализации тесно связано с урбанизацией. В советское время это выражалось в строительстве небольших городов, являвшихся, по сути, инфраструктурным обеспечением крупных предприятий, экономика которых целиком зависела от состояния этого предприятия. Так возникли моногорода. Однако, в постсоветский период кризис в экономике государств привел к постепенному, но нарастающему оттоку насе-

ния из моногородов в крупнейшие города, главным образом, в столицы. Фактически, обширные пространства Центральной Азии начали обезлюдивать. Очевидно, что при такой тенденции города среднеазиатских республик превращаются в «сухопутные острова» (подобное явление наблюдается также в российской Сибири и на Дальнем Востоке). Такую урбанизацию называют «ложной», так как она нетождественна росту показателей промышленного производства, носит неоднородный характер и приводит к сильнейшей диспропорции в экономическом развитии различных районов страны. Так, в среднем по региону, с 2000 по 2010 год население крупных городов, в том числе столиц, увеличилось на 19,4%. Однако, в Казахстане на 2012 год в 59 из 87 городов, считающихся малыми (до 50 тыс. жителей), проживали лишь 16% всего городского населения, доля которых в структуре национального дохода РК составила 17%. Основная же его часть (72,7%) проживали в 17 крупнейших городах страны (от 150 тыс. жителей) в 2013 г. В том же 2013 г. население Душанбе составляло почти половину всего населения РТ (48,5%), а в Киргизии около 60% городского населения оказалось сосредоточено в двух столицах – «северной» Бишкеке и «южной» Оше. Доля столицы Таджикистана в промышленном производстве республики на 2010 г. составила 8,6% (большой вклад дал только Нурек за счет расположенной там ГЭС – 10,8%), а у Бишкека в 2011 г. этот показатель был равен 18,5%. В Узбекистане на долю малых и средних городов же приходится 17,5% произведенной промышленной продукции при населении 34% от всего населения страны, исключая моногорода, такие как Учкудук, Заравшан, Ангрэн, Мубарек и Асаку [5, с.39–43]. Вкупе с позитивными эффектами, такими как улучшение человеческого капитала, посредством доступа к образованию и медицинскому обслуживанию, она также несёт и риск роста социальной напряжённости. Это связывают, прежде всего, с колоссальной разницей в уровне жизни между бедным и богатым населением среднеазиатских стран. Данная ситуация - вовсе не уникальное явление для региона, включающего не только бывшие советские республики. Города не способны принять в себя поток внутренних переселенцев, будучи не в состоянии абсорбировать своих новых жителей. Это отражает тяжёлая ситуация с общественным транспортом, износом коммунальных сетей и жилого фонда. Строительство новых производств в городах не влияет существенно на структуру доходов от промышленности, тем более, что они появляются в местах с уже работающей и отлаженной инфраструктурой, такие, например, как построенные в последнее десятилетие НПЗ в Атырауской и Мангыстауской областях Казахстана [6]. Следствие «ложной» урбанизации – доминирование сектора услуг в экономике среднеазиатских стран. Всё указывает на сложившийся в экономике среднеазиатских государств явный перекос в пользу экономики услуг и добывающей промышленности. Исправить такую ситуацию можно было бы при интенсивной диверсификации экономики, но этого не наблюдается. Это заставляет население искать лучшей жизни в городе, но под критерии «города», как центра средоточия благ, как можно видеть, подпадают лишь столица и наиболее крупные города [6]. Экономические трудности стран ЦА также связывают с оттоком русского населения из региона, начавшимся в конце 1980-х гг. Так, по официальным данным с 1989 по 2013 гг. русское население Узбекистана уменьшилось на 844 тыс. человек (официальной переписи населения в постсоветский период в стране не проводилось, поэтому данные имеют оценочный характер). В Таджикистане с 1989 по 2010 гг. число русских стало меньше на 353,6 тыс. человек, в Киргизии (по оценке на 2020 год) на 258,2 тыс. человек, а в Казахстане на 683 тыс. человек (согласно переписи, на 2009 год). Эмиграция славянского население, традиционно составляющих значительную часть населения промышленно-развитых районов (малых городов и поселков городского типа), серьёзно сказалась на их экономическом потенциале. Тяжёлая ситуация в экономике привела к закрытию социально-культурной инфраструктуры, что породило спираль эмиграции [5, с. 34].

Такая сильная экономическая диспропорция в пользу крупнейших городов ЦА говорит о том, что реиндустриализация, как основное условие преодоления кризиса в экономике после развала СССР, фактически провалилась. Столицы втягивают в себя энергетические и финансовые потоки со всей страны, практически ничего либо очень мало давая взамен. Социальный разрыв между сверхурбанизированным центром и остальной территорией увеличивается. Население Нур-Султана (Алматы) с 1989 по 2019 гг. выросло в 4 раза, на крупнейшие города

ЦА приходится до 40% экономического роста и до 1/2 всего потребления [7]. Такая ситуация крайне разрушительна с точки зрения развития регионов и региональных связей. Её конечным итогом может стать распад государства, когда центр не сможет поддерживать достаточный жизненный уровень на окраинах, а окраины будут стремиться выйти из-под власти центра. Суверенитет центра над окраинами может, при этом, и сохраниться, но перейдет в квази-форму, т.е. сработает эффект «сомализации». Между тем, хотя условия жизни в современном центральноазиатском мегаполисе на порядок лучше, чем вне его, возможности реализации человеческого потенциала в нем также остаются не на высоте. Это демонстрирует высокая доля сектора услуг в структуре ВВП государств. Он же сдерживает потенциал урбанизации. Экономика услуг усиливает потребление, но не развивает человеческий потенциал, следовательно, не разрешает социальные противоречия государств, а усугубляет их. Результат этой экономической политики - спираль безработицы и рост социальной напряженности.

Доля неурбанизированного населения республик Средней Азии, все же, остаётся довольно высокой. Основу жизни вне города составляет сельское хозяйство. Во всех странах региона оно прочно закрепилось на 3 месте в структуре дохода государств. Тем не менее, сельскохозяйственное производство не может быть основой экономики современного государства. В противном случае такому государству грозит скатывание в нео-архаику и утрата государственности, дробление на более мелкие образования. Объёма произведенной сельскохозяйственной продукции странам региона не хватает на покрытие внутренних потребностей. Так, возникающий дефицит зерна и муки закрывается импортом, в первую очередь, из Казахстана [8].

Проблемы Ферганской долины и доступность водных ресурсов

Особым обстоятельством можно считать факт того, что впервые в своей истории государственность этих стран приобрела национальный характер. Несмотря на то, что многонациональность зафиксирована в конституциях стран, фактический национализм власти оказался единственным действенным инструментом, позволившим закрепить суверенитет новой власти в критический период распада советского государства. Конечно, местный национализм есть прямое следствие политики коренизации, проводившейся в СССР. В результате, серьёзных конфликтов на национальной почве удалось избежать в республиках Средней Азии только в Казахстане и Туркменистане. В Таджикистане, Узбекистане и Киргизии существует межнациональные противоречия, острая фаза которых пришлась на начало 1990-х гг. на фоне слома советской идеологии и заполнения идеологического вакуума стихийным национализмом, местами приобретающего агрессивный характер. Подобные проявления встречались в тех республиках, где нетитульное население проживает анклавами, сформировавшимися в местах исторического проживания. В Ферганской долине, поделенной между упомянутыми государствами и населенной представителями всех перечисленных народов, сложилась самая непростая ситуация. К примеру, на территории Узбекистана имеется таджикский анклав «Сарваксай» и киргизский анклав «Барак», а на территории КР существуют таджикские анклавы «Ворух» и «Кайрагач» и узбекские анклавы «Сох», «Шахимардан», «Чон-Кара» и «Таш-Тепа» («Джангил»). Большая часть анклавов была образована в 20-е гг. XX в. в период национального размежевания [9, с.453–458].

Географически Ферганская долина – это территория эллипсоидной формы, обрамленная на северо-западе Кураминским и Чаткальским, на северо-востоке Ферганским, на юге Туркестанским и Алайским горными хребтами, имеет площадь примерно 22 тыс. кв. км., около 300 км. в длину и 170 км. в ширину. На территории Ферганской долины расположены Наманганская, Андижанская и Ферганская области Узбекистана, в которых суммарно проживает 9,5 млн. человек, Боткенская, Опшская и Джелал-Абадская области Киргизии, суммарное население которых 3,5 млн. человек и Худжандская область Таджикистана с населением 2,5 млн. человек. В настоящее время в долине проживают около 15 млн. человек, что составляет до 1/3 населения и что делает эту территорию самой густонаселённой в ЦА. Больше всего населения проживет в узбекской части ФД и поэтому она представляет наибольший интерес для анализа. В качестве среза сведений возьмем ситуацию в Янгикурганском, Чартакском, Кувасайском, Кувинском, Алтыарыкском, Ташлакском, Кургантепинском, Джалакудукском, Ходжаабадском и Булакбашинском

районах, в которых наблюдается сложная ситуация с водными ресурсами. Так, по данным на 2014 г., в этих районах проживало около 975 тыс. человек, образующих около 183 тысяч домашних хозяйств, 88,5% которых расположен в сельской местности. Средний размер семей – 5 человек, средний возраст членов которых 29 лет. Из них, 29% составляют дети до 16 лет. Среди них, доля людей, имеющих общее среднее и среднее профессиональное образование составляет 53%. При этом, согласно опросу, дохода 56,3% семей достаточно на покрытие лишь самых необходимых нужд, доход ещё 21,2% семей хватает лишь на пропитание. Следует учитывать, что доля доходов от сельскохозяйственной деятельности в структуре доходов домохозяйств невысокая, в среднем равна 23,2%. Хотя, большая часть населения проживает в городах, на деле это не города, а ПГТ, также, как и сельское население, зависящее от сельскохозяйственной деятельности. Во многих районах ФД площадь пахотных земель приближается к показателю 0,1 га на душу населения, т.е. меньше нижнего предела, установленного ООН на 1 человека в 3 раза [10, с.84]. В тоже время, недостаток в обеспечении водой в названных районах колебался в пределах 52-70% от необходимой нормы. При том, 74% домохозяйств не имеют центрального водоснабжения, в 96,4% домохозяйств отсутствует канализация, серьезные перебои с энергоснабжением и газоснабжением испытывают 91,3% и 32,7% соответственно [11, с.21-65]. Таким образом, подавляющее число населения долины – это люди, лишенные либо имеющие очень ограниченный доступ к социальным благам, с низким и очень низким уровнем дохода, быстрорастущее и почти неспособное обеспечить себя за собственный счет. Но следует заметить, что водная проблематика не ограничивается одним лишь районом Ферганской долины, а свойственна ЦА в целом. В постсоветский период в регионе сложилось две группы стран, поделившиеся по принципу доступа к водным ресурсам. Первую составляют Таджикистан и Киргизия, обладающие самодостаточностью и даже избытком гидроресурсов – на их территории формируется 74% стока р. Амударья и 75,2% стока р. Сырдарья соответственно, являющихся основным источником пресной воды в регионе. Во вторую вошли Казахстан, Узбекистан и Туркменистан, которые испытывают тяжелый недостаток водных ресурсов [12, с. 143]. Данная ситуация формирует еще один контур напряженности, подталкивая страны из первой группы использовать водный фактор в качестве инструмента в своих отношениях с соседями. Население Таджикистана растет наивысшими темпами, следовательно, увеличивается потребление электроэнергии, где 95% всей электрогенерации приходится на ГЭС. Однако, большой потенциал ГЭС в экономике не означает «дармовую энергию», ставя эти страны в зависимость от природных условий. Тем не менее, страны, не обладающие достаточными водными ресурсами, находятся в еще более сложном положении. Показателем пример Токтогульского водохранилища в Киргизии, обширный сброс из которого зимой, ради дополнительной выработки энергии, провоцирует наводнения в узбекской части Ферганской долины. Обратная ситуация происходит в летние месяцы, когда задержка сброса приводит к засухе в долине [13, с. 35-36].

По прогнозам население ЦА к 2025 г. может увеличиться на 40%. Уже в настоящее время до 60% населения региона не имеют доступа к центральному водоснабжению. Между тем, согласно данным ООН за 2020 год, средний возраст населения региона составляет 27,6 лет [14], более половины населения – молодые люди в возрасте 18-36 лет. Такая ситуация с демографией уже сейчас потенциально взрывоопасна – если государства ЦА не разрешат социальные проблемы собственными силами, то вместо них это могут попытаться сделать иные силы, действующие значительно более грубыми методами. В этом случае вопрос о сохранении нынешнего порядка в новых условиях остается открытым.

Пограничные конфликты

До сих пор большинство приведенных в статье факторов выступали в качестве внутренних, то есть, имеющих внутристрановую природу. Однако, нельзя игнорировать также ряд внешних факторов, то есть имеющих как внешнестрановой, так и внерегиональный генезис. К первым относятся проблемы демаркации границ и пограничные споры, а также связанные с этим вооруженные конфликты между государствами. Сюда же можно отнести рассмотренную выше водную проблематику. Ко вторым распространение терроризма и радикального ислама. Рассмотрим подробнее ситуацию с пограничными конфликтами и их причинами.

В настоящее время из стран ЦА, полностью делемитировал свои сухопутные границы лишь Туркменистан, подписавший соответствующие договоры в 2000 г. с Узбекистаном и в 2001 г. с Казахстаном. Последний также урегулировал большую часть своих пограничных вопросов с соседями. Однако, Таджикистан и Кыргызстан до сих пор не делемитировали около 45% таджикско-киргизской границы, протяженность которой в Ферганской долине составляет 514 км. Узбекистан, в свою очередь, казалось бы, пришел к соглашению о полной делимитации границ с Киргизией в 2017 и 2021 гг., однако процесс сорвался из-за несогласованности обмена территориями с местными жителями. Узбекско-таджикская граница делемитирована полностью в 2018 г. Положение национальных меньшинств в странах ЦА усугубляется весьма волюнтаристским стилем нарезки границ национальных республик, что также было сделано в период советской власти. В результате, все народы, имеющие титульный статус в этих государствах, достаточно плотно населяют приграничные области Ферганы в сопредельных странах. Из-за этого, ряд территорий имеют спорный статус. Так, спорными остаются несколько участков узбекско-киргизской границы в районе Андижанского водохранилища [15]. Между Киргизией и Таджикистаном не согласованными остаются примерно 70 спорных участков, в основном, в Баткенской области Киргизии. Пограничные споры уходят корнями еще в X-XII века, когда в долине р. Исфара появились различные культовые места. Население на спорном участке сконцентрировано в селениях Исфара, Ворух и Чорку, со смешанным таджикско-киргизским населением. Сейчас причиной споров в этом районе выступает контроль над рядом пастбищ, крупнейшие из которых Кык (площадь 3000 га), Меши (2500 га), Кишемиш (1200 га), Геревшин (1500 га). Все они расположены на территории КР. Соотношение общей площади пастбищ, принадлежащих КР и РТ – примерно 70/30 соответственно. Еще одним важным мотивом споров является контроль над водными ресурсами и дорогами, где Киргизия заинтересована в большем использовании стоков рек Исфара и Козу-Баглан, берущих своё начало на её территории, но стекающих в таджикский анклав «Ворух». Такая же ситуация с дорогами, так как таджикские и киргизские поселения и пастбища связывает единая дорожная сеть. Анклав «Ворух» с таджикской территорией связан лишь одной дорогой. Сейчас соседние страны реализуют несколько инфраструктурных проектов, призванных снизить напряженность, в основном, развивая дорожную и электрическую сети. Однако, взаимные перекрытия дорог и самовольный отбор воды из оросительных каналов является привычным делом для этих мест [16, с. 22–35]. В данное время, обстановку в этом регионе можно характеризовать как «стабильно нестабильную», так как любое, даже незначительное событие, может послужить поводом к большому кровопролитию. Яркая иллюстрация – последнее обострение ситуации на киргизско-таджикской границе в апреле-мае прошлого года, приведшее к артиллерийским перестрелкам, стягиванием к границе армий двух стран и, к сожалению, жертвам среди мирного населения. По оценкам, в краткосрочном конфликте погибло до 55 мирных жителей с обеих сторон и более 300 получили различные ранения [17].

Изучая тему проблем безопасности в регионе Центральной Азии нельзя игнорировать гражданскую войну в Таджикистане 1992-1997 гг. и её влияния на текущие политические процессы региона. Масштабы этой войны, количество вовлеченных в неё людей и потери, делают её самым крупным военным конфликтом в постсоветской Средней Азии. В ней, как в кривом зеркале, отразились и преломились все факторы политической нестабильности региона Средней Азии образца начала 90-х гг. XX века. В войне погибло около 60 тыс. человек, до 1 млн. человек стали внутренними переселенцами и еще до 250 тыс. человек стали беженцами в другие страны. Впервые очень громко на территории бывшего СССР заявил о себе исламистский фактор. Поддержку силам таджикской исламистской оппозиции оказывали моджахеды Афганистана, в том числе непосредственную, принимая участие в боях против правительственных войск Таджикистана и российских военнослужащих [18]. Следует принять во внимание, что большая часть причин, приведших к войне в Таджикистане не изжиты по ныне. Общество попрежнему расколото по национальному, религиозному и социальному признакам. Рефлексия о пережитой войне отзывается в памяти людей, но инциденты на межнациональной почве в анклавах подпитывают взаимное неприятие, усиливая национализм как фактор деструкции. Экономическая стабилизация и рост экономики стран в 2000-х – 2010-х гг. способствовали

тому, что заглушили, в некоторой степени, эти противоречия, но не устранили их. В свете ухода войск США из Афганистана в августе этого года, велик риск увидеть повторение таджикостанских событий 1990-х гг., но уже в значительно большем масштабе, охватившем весь регион Центральной Азии.

Заключение

Тема социологических и экономических проблем стран Центральной Азии настолько многогранна и многообразна, что вряд ли можно поместить все рассуждения и выводы по ней в рамках одной статьи. Раскрыть её в полной мере, скорее всего, может получиться лишь в формате монографии. Однако, концентрируясь на перечисленных в статье объективных проблемах стран ЦА и на приведенном здесь материале, собрав воедино факты, можно составить определенное мнение о тех явлениях и процессах, которые протекают сейчас в данном регионе, о том, как они, наиболее вероятно, будут развиваться и к каким последствиям это может привести. В результате проведенной работы можно говорить о том, что нерешенность большей части проблем детерминирована политическими причинами, а именно разобщенностью государств Центральной Азии. Будучи в составе единого государства в советский период, разрешение многих проблемных ситуаций брал на себя центр, часто не считаясь с затратами и не ставя целью скорое извлечение прибыли. Независимое положение принесло не только суверенитет, но и поставило новые власти лицом к лицу как со старыми вызовами, так и с новыми. Однако, здесь же следует констатировать, что среди перечисленных автором проблем региона нет принципиально неразрешимых. Ключ к их решению – скоординированность международных усилий, установка на результат в среднесрочной перспективе и отказ от «местечкового» национализма и эгоизма в политике.

Библиография

1. Синецын В.М., Центральная Азия. - М.: Гос. Издательство географической литературы, 1959. – 456 с.
2. О работе Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (НИА НКП) за первое полугодие 1929/1930 г. // Революционный Восток. № 8. 1930. – 387 с.
3. Третье десятилетие независимости: как растет население Центральной Азии? [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cabar.asia/ru/trete-desyatiletie-nezavisimosti-kak-rastet-naselenie-tsentralnoj-azii> (дата обращения 25.12.2021).
4. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stat.gov.kz/> (дата обращения 25.12.2021).
5. Аналитический доклад 2013/03. Урбанизация в Центральной Азии: вызовы, проблемы и перспективы. - Ташкент: Центр экономических исследований, 2013. – 76 с.
6. А. Данков. Глобальный прогноз 2019–2024. Центральная Азия: борьба за новое будущее. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/2019-centralasia#3a> (дата обращения 25.12.2021).
7. Центральнoазиатские города: тренды и проблемы [электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2019-09-10--centralnoaziatskie-goroda-trendy-i-problemy-44773> (дата обращения 25.12.2021).
8. Досье: Средняя Азия [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.apk-inform.com/ru/exclusive/file/1506670> (дата обращения 25.12.2021).
9. Аламанов С.К. Анклавы в центральной Азии: история вопроса и современные проблемы. // Постсоветские исследования. 2018. Том 1. №5. – С. 451–457
10. Рудов Г.А. Ферганская долина: причины кризисных явлений и пути их нейтрализации. // Россия и мусульманский мир. 2015. №5. – С. 81–96.

11. Проект управления водными ресурсами в Ферганской долине, (Фаза 2), Узбекистан. Отчет социальной оценки. // Ташкент: Министерство сельского и водного хозяйства РУз, Всемирный Банк, 2015. – 181 с.

12. Шишкин В.Г. Проблема нехватки воды в Средней Азии // Актуальные вопросы региональных и международных исследований. Сборник научных трудов к юбилею кафедры международных отношений и регионоведения. Новосибирский государственный технический университет. 2016. – С. 136–149

13. Гусев Л.Ю. Водно-энергетические проблемы Центральной Азии и возможные пути их решения // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 6 (33). – С. 34–41.

14. Население Центральной Азии вырастет более чем на миллион в 2020 году [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://e-cis.info/news/567/86015/#:~:text=Согласно%20последним%20оценкам%20ООН%2C%20текущее,-%20по%208%2C%25>. (дата обращения 27.12.2021).

15. И. Кармазин. Юрты протеста: почему Киргизия и Узбекистан никак не согласуют границу. После митингов Бишкек отказался от договоренностей с Ташкентом [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://iz.ru/1157665/igor-karmazin/iurty-protesta-pochemu-kirgiziia-i-uzbekistan-nikak-ne-soglasuiut-granitsu> (дата обращения 27.12.2021).

16. Олимова С.К., Олимов М.К. Конфликты на границе в Ферганской долине: новые причины, новые участки. // Россия и новые государства Евразии. 2017. №1. - С. 21–40.

17. Т. Умаров. Конфликт без посредников. Кто выиграл от войны на границе Киргизии и Таджикистана [электронный ресурс] – Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/84454> (дата обращения 28.12.2021).

18. Гражданская война в Таджикистане [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.coldwar.ru/conflicts/tadj/tadjikistan.php> (дата обращения 28.12.2021).

ANALYSIS OF SOCIOLOGICAL AND ECONOMIC RISKS FOR CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Osyenin V.S.

Kazan Federal University

Abstract. The work is devoted to the analysis of some internal and external factors that directly and indirectly affect the security and stability of the countries of the Central Asian region. The Central Asian region is extremely complex in geographical, ecological, economic and political terms, representing a unique interweaving of peoples and cultures. In the conditions of the modern world, you can find a rich potential for development in its features, but, unfortunately, more often you have to talk about what risks they carry for the region. It is important to understand that many of the problems in the region that have now become acute arose several decades ago and are due to insufficient efforts or weak interest of the authorities in solving them. These include, for example, ecology, the problem of water supply and one-dimensional economic specialization. A number of risks arose already in the post-Soviet period. These include overpopulation of certain areas, false urbanization and non-diversified economy. In addition, many risks are of a cross-border nature and the way to overcome them lies through the coordinated activities of several countries, which complicates their resolution. The results of the study show that the situation in the Central Asian countries, despite a number of obvious positive developments, has a pronounced potential for increasing risks to the political power and stability of the region as a whole.

Keywords: Central Asia, Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, economy, resources, water shortage, security.